

КОГДА РАСКРЫВАЕТСЯ ЗАНАВЕС...

Пестрый, как и нарядные платица и рубашки, многоголосый возбужденный детский говор в зале постепенно стихал, словно невидимый звуко-режиссер плавно уводил вниз тумблер микшера. Гас свет, и лишь яркие цветные лучи софитов высвечивали на бархатном занавесе два больших круга — красный и зеленый. Начиналось волшебство... Секунды тишины, напряженного внимания и — вот он, звучный гонк, заставляющий каждого трепетно вздрогнуть. Медленно раскрывался занавес, и перед нами возникал волнующий мир сказки. Завороженность, открытое любопытство создавали такую хрустальную тишину, когда «носики-курносики» даже не сопят. На сцене был лес, падал мягкий снежок, и в окне одинокой избышки горел огонек. А за стеной зала, на улице сиял всей мощью астраханского солнца июльский день. Но мы об этом не помнили. Перед нами оживала сама сказка... В раскрытой настольной детской душе вспыхивало чувство восторга, удивления, ожидание необыкновенного, доброго. И заяц, и медведь, и все другие персонажи воспринимались прямо, без оглядки, без раздумий — человек ли это в образах или... С первого раза мы признавали это великое таинство, суть которого выражалась коротким и таким звучным и неделимым для нас словом — ТЮЗ.

Разные ассоциации вызывало это слово. И среди прочих — вспоминалась зима, (это уже у меня лично), безымянная речка, петляющая среди деревьев в большом лесу. Глухая тишина вокруг и чистый-пречи-

стый, прозрачный, как стекло, лед. Коньки, сделанные дедом Игнатом, колхозным конюхом, из деревяшки и обломка от санных полозьев, скользят по льду, и он звенит и тонко поет: тюз-тюз-юз-юз-з...

...Речка уводила нас, как незнакомая еще и потому заманчивая дорога, далеко от села, в неизвестное. Было изволнованно-интересно и немного страшно. Крутые повороты скрывали от глаз все, что оставалось позади, а на зеркальном льду четко отражались наши изумленные всем увиденным и чуточку настороженные лица.

Вот так же и первый наш театр уводил в загадочную даль, как ранняя дорога детства. Мы шли по ней с радостью, с неосознанным предчувствием новых красок, слов, картин, событий, всего того, что составляло совсем необыкновенную, возвышенную, романтическую жизнь. У нас рождались новые стремления, желание осмыслить увиденное, по-своему разгадать загадочное. Получалось так, будто мы раскрыли большую красочную книгу и не могли уже оторваться от нее, листая страницу за страницей.

В тюзовском зале были ведь не только «носики-курносики». Были и те, кто мечтал уже о морских походах, об алых парусах и юнгах. И в той большой книге находились и для них интересные страницы и главы. Одной из них стал «Овод». Мне помнится этот спектакль на летней сцене небольшого, но очень уютного сада пожарных, который находился когда-то на месте нынешнего маленького сквера перед концертным залом филармонии. В саду играл духовой оркестр,

было много гуляющих, но когда прогремели звонки, все стихло. На простых деревянных скамьях — ни одного свободного места. Раскрылся занавес и... С каждой минутой росло напряжение зала. Почти физически ощущались волны необъяснимой магической силы, идущей от сцены. Мы были запрожены происходящим там, а многие взрослые вытирали слезы. Конечно, всю эту магию я отношу теперь прежде всего на счет литературной основы, но и театр что-то значил во всем этом. Играли вдохновенно. Особенно В. Широков, исполнял главную роли. Этот актер хорошо запомнился.

Зрители выходили из зала, над которым голубело спокойное небо (а вечерами, мерцали далекие звезды), взволнованными, чуточку опечаленными, но окрыленными, духовно обогащенными. Тихий, сдержанный говор наторопливым ручейком протекал по аллеям сада и стихал за воротами, терялся в предвечернем городском шуме перед зданием «Модерна» и в улицах, идущих к нему.

Наше доверенное детство (тридцатые годы) было счастливым, возвышенным, устремленным, но оно не имело многого из того, что имеет детство сегодняшнее. Не было «мультиков» по «телеку», фильмоскопов с цветными слайдами, долгоиграющих пластинок со знаменитыми сказками. Вместо нынешних транзисторов у нас были детекторные приемники и репродукторы с черным бумажным диффузором, да и то не в каждом доме. Но у каждого из нас был... ТЮЗ. Он размещался в

разных местах города — и в бывшем дореволюционном казначейском клубе, и в старой филармонии, и еще где-то, а позже и в «Вулкана», прекрасном театральном здании, архитектурный стиль которого чем-то роднился со стилем нашего «Модерна». До того, как открывались двери зала и раздавался звонок, мы успевали посмотреть все макеты декораций к спектаклям, установленные в фойе под стеклом и хорошо высвеченные. Делались они искусно и воспроизводили в деталях абсолютно все, что можно было видеть на сцене. Тогда не было условностей в оформлении спектаклей, тем более в ТЮЗе. Мне помнятся случаи, когда взрослые зрители в театре драмы сразу после раскрытия занавеса дружно аплодировали художнику и мастерам-исполнителям за чудесные декорации.

Хороши они были и в ТЮЗе во многих запомнившихся нам долго спектаклях. Это и «Христофор Колумб», и «Робин Гуд», и «Как закалялась сталь», и «Созвездие Гончих Псов». Война в Испании волновала, звала на подвиг и всех мальчишек. Познавшие дух романтики, они зажигались высокими желаниями, стремлениями, им близко становились героические мотивы. И вот «Созвездие...», поставленное по одноименной повести К. Паустовского, было как раз тем спектаклем, с которого подростки и даже дети уходили, затаив, как нечто сокровенное, пожалуй, самую первую свою серьезную думу. На сцене была настоящая астрономическая обсерватория с куполом, телескопом, винтовой лесенкой и

кусочком голубого звездного неба. И эту мирную обитель хотели ворваться фашисты. Мужество старого ученого Мэро и его верных товарищей, преградивших дорогу фашистам, покорило зал. Стояла тревожная тишина, и юные сердца переполняли гордость и ненависть. Прекрасный образ смелого и честного человека создал тогда талантливый и скромный актер Андрей Яковлевич Полетаев, живущий ныне в Ленинграде. Я видел его во многих ролях, знал по совместной работе над литературными композициями, инсценировками и передачами на радио, уже много лет спустя, после «Созвездия Гончих Псов». Очень хочется сегодня сказать доброе слово и о старых, уже кем-то, может быть, забытых актерах, и о тех, кто создает славу нынешнего ТЮЗа. Немногие, наверное, помнят теперь С. Егорова, Г. Рахманова, А. Фролову и Т. Дудолодову, А. Кулаковину, В. Буха и Б. Туфа, очень разных характерных, но одинаково экспрессивных, ярких. Зрители моего поколения знают В. Кирьянца, одновременно доброго и мягкого по складу души и островыразительного; В. Мазанову, отдавшую мно-

гие годы после сцены благородной работе с одаренными детьми во Дворце пионеров; знали мы по ТЮЗу и яркого, жизнерадостного В. Степанова, ставшего заслуженным артистом республики и давно уже работающего в нашем драматическом театре имени С. М. Кирова. А сегодня и дети, и юноши, и взрослые благодарны заслуженным артистам РСФСР А. Ваньковой, В. Заворотнюк, Е. Фролкину, К. Моисеенко, всем молдым артистам и всем режиссерам во главе с Ю. Кочетковым (однофамильцем автора этих строк), а также — Н. Поручикову, З. Глазисоной, И. Пиндрусу и другим мастерам театра за то, что ТЮЗу уже полвека и что он совсем не старится и будет таким всегда.

Мне довелось бывать, и не раз, в самых больших, с мировой известностью театрах нашей страны и за рубежом, видеть спектакли будапештской оперетты с участием знаменитой некогда примы Ханы Гонти, современницы Кальды, берлинской комической оперы и пражской «Латерны Магики» («Волшебный фонарь»), но я всегда вспоминаю самым добрым словом прежде всего наш ТЮЗ. Это он открыл нам двери не только в свой зал, но и во все другие, в которых мы уже были и в которых еще будем.

Ю. КОЧЕТКОВ,
журналист.

ВОЛГА
г. Астрахань

24 ИЮН 1983
КИМ 62